

В ТОРОГО июля 1937 года заместитель начальника Ленинградского управления НКВД Н. Е. Шапиро-Дайховский подписал постановление на арест «участника контрреволюционной троцкистской организации» Николая Макаровича Олейникова.

Летом поэт жил с семьей на даче, но в тот злополучный день приехал по издательским делам и остался ночевать в городе. На рассвете 3 июля за ним пришли сотрудники НКВД.

После обыска арестованного привезли в Большой дом на Литейном проспекте и сразу же поставили на «конвейер». «Конвейером» назывался длительный непрерывный допрос — до тех пор, пока допрашиваемый не начинал «признаваться» во всех смертных грехах. Николая Макаровича, по моим подсчетам, пытали 18 суток. Однако палачи ничего не добились: он наотрез отказывался клеветать на себя и других.

В чем же обвинялся поэт?

Незадолго до ареста Олейникова за железными дверями Большого дома оказался его близкий знакомый — заведующий восточным отделом Эрмитажа Дмитрий Петрович Жуков. Не выдержав пыток, 25 июня 1937 года молодой ученый подписал сфальсифицированный протокол, в котором Николай Макарович фигурировал как «участник» некоей подпольной троцкистской организации, якобы пытающейся свергнуть «сталинское руководство», захватить государственную власть и повернуть страну на капиталистический путь развития. Указывалось, что Олейников был связан по троцкистскому подполью с «видным зинovieвцем» — писателем Владимиром Матвеевым, арестованным в ходе кровавой «чистки партийных рядов» после убийства Кирова, и давал указания Жукову проводить вредительскую работу на научном фронте: «работать ровно столько, сколько необходимо для сохранения партия, меньше работать по своей специальности, а если окажется возможным, то вообще ничего не делать...». Там же говорилось, что эта троцкистская организация «готовит» террористические акты против Сталина и Ворошилова...

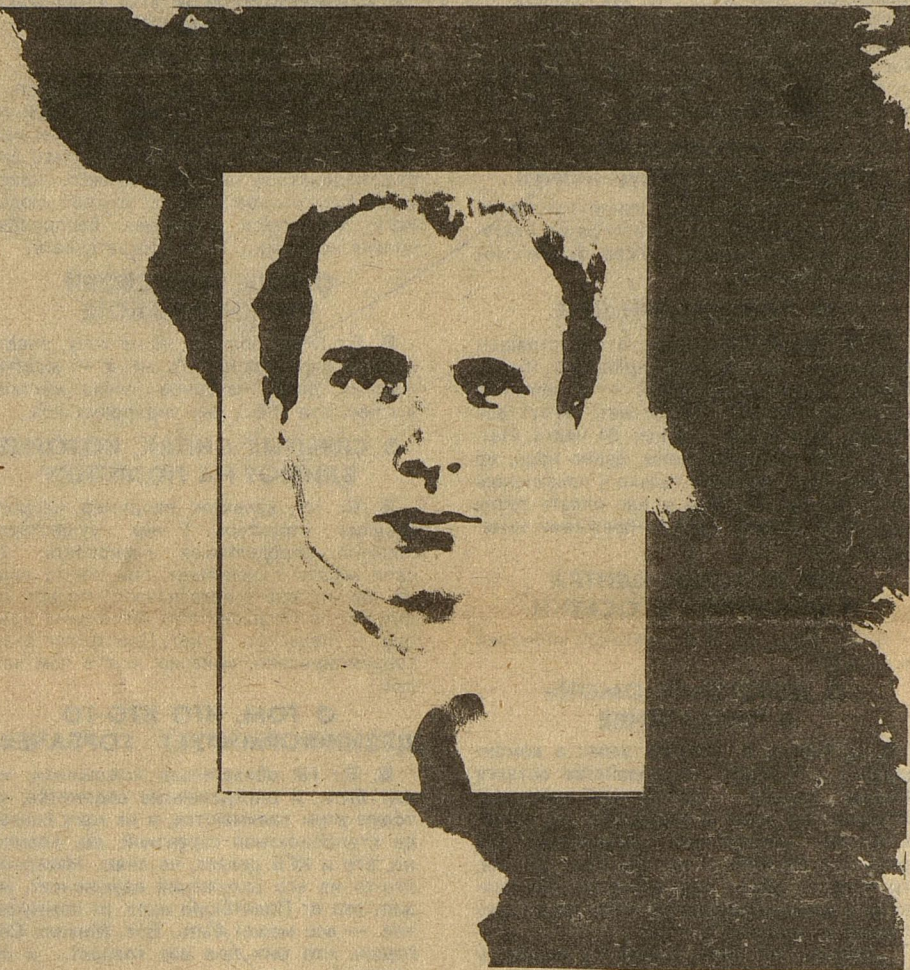
Что здесь было правдой, а что — нет? Действительно, Владимир Матвеев, старый друг поэта, являлся активным участником ленинградской оппозиции. Возможно, сам поэт осуждал политику «сталинского руководства», ведущего, как утверждалось в протоколе, «страну и революцию к катастрофе». Все остальное — бессовестная ложь. Однако палачи настойчиво требовали, чтобы арестованный подтвердил этот оговор. Для чего?

Судя по документам, стратегический замысел начальника контрразведывательного отдела (КРО) Якова Перельмутра и начальника восточного отделения того же отдела УНКВД ЛО Наума Голуба заключался в следующем: в Ленинграде якобы действуют две подпольные, тесно сотрудничающие друг с другом организации: «контрреволюционная» и «шпионская», работающая на японскую разведку. В первую организацию будто бы входят писатели Сергей Безбородов, Борис Корнилов, Константин Боголюбов, Вольф Эрлих, Анатолий Горелов, Ефим Добин, редакторы ленинградских издательств Александра Любарская, Абрам Серебрянников и другие. Членами второй организации «являются» некоторые работники представительства СССР в

Далеко не всем до последнего времени было известно имя замечательного русского поэта Николая Олейникова, часто выступавшего под псевдонимом Макар Свирепый. Правда о трагической судьбе поэта до сих пор хранилась за семью печатями. Согласно официальным документам, Николай Макарович был арестован Ленинградским управлением НКВД в 1937 году и скончался 5 мая 1942 года от «возвратного тифа». Сегодня в публикации, подготовленной по материалам уголовного дела из архивов госбезопасности, мы впервые рассказываем о последних драматичных днях жизни талантливого русского поэта.

ОГОВОР

О судьбе поэта
Николая ОЛЕЙНИКОВА

Японии и Иране, научные специалисты по странам Дальнего Востока, в том числе и Дмитрий Жуков. Связующим звеном между двумя мифическими группами, по замыслу палачей, должен был стать Слейников. Вот почему они всячески добивались от него «признаний».

26 августа Николая Макаровича вторично допрашивали Наум Голуб и его под-

ручный — помощник оперуполномоченного Петр Слепнев. В кабинет ввели Жукова: изможденный, сломленный пытками, он подтвердил все то, под чем подписался два месяца назад. Олейников мужественно отрицал оговор. Очная ставка закончилась безрезультатно.

Нам остается только гадать, что случилось дальше. Скорее всего поэта

зверски избили, потому что следующая фраза протокола гласит: «Будучи избитым следственными материалами и очной ставкой, я решил дать следствию правдивые показания». Нет нужды цитировать явно сфальсифицированный документ: поэт почти дословно повторил «признания» Жукова, назвав среди «соучастников» лишь своего недавнего избивателя и Владимира Матвеева. Он, верно, знал, что его старого друга, попавшего в застенки НКВД двумя годами ранее, уже нет в живых.

Больше Николая Макаровича не допрашивали: вероятно, Голуб понял, что склонить Олейникова к предательству не удастся. Зато усилился нажим на других «членов» пресловутой организации. Абрам Серебрянников, например, «показал», что «Олейников Н. М. срывал выпуск детской литературы, глушил авторскую инициативу, протаскивал троцкистские взгляды в своих произведениях, занимался контрреволюционной агитацией и пропагандой». То же самое «сказали» на допросах Сергей Безбородов и Константин Боголюбов.

И все же не этот «литературный компромат» был, по-видимому, главным в обвинении поэта. 15 ноября Дмитрий Жуков, «изобличенный» как японский шпион, «заявил» следствию:

«На одной из моих встреч с Олейниковым он мне сообщил, что контрреволюционная троцкистская организация, участниками которой мы являлись, установила контакт с японской разведкой и в целях облегчения победы японской армии в предстоящей войне Японии с СССР проводит шпионскую работу по сбору сведений об оборонной мощи и политико-экономическом состоянии СССР. Олейников, сообщив далее, что он активно включился в сбор шпионских материалов для японской разведки, предложил мне, как участнику контрреволюционно-троцкистской организации, принять участие в этой деятельности. В ответ на это я поставил в известность Олейникова о моей деятельности в пользу японской разведки начиная с 1931 года. Олейников выразил свое удовлетворение по этому поводу и предупредил о необходимости соблюдения осторожности».

Наум Голуб добился-таки своего: теперь дело Олейникова соответствовало не только стратегическому замыслу «операции», но и «профилю» руководимого им восточного отделения КРО.

Для Николая Макаровича этот оговор означал одно — смерть. 19 ноября 1937 года Комиссия НКВД и Прокуратуры СССР приговорила его к высшей мере наказания. 24 ноября приговор был приведен в исполнение. Скорее всего останки поэта покоятся на Левашовской пустоши: с июля 1937 года именно здесь захоранивались расстрелянные в тюремных застенках.

Николай Макарович Олейников был реабилитирован в 1957 году. Однако его оригинальная поэзия еще долго оставалась под подозрением, лишь недавно стихи поэта стали появляться в периодике. И сразу же привлекли внимание читателей своей лиричностью, юмором и глубоким философским смыслом. В 1991 году Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпускает сборник стихов Н. М. Олейникова, небольшая часть из них публикуется сегодня на страницах «АР».

Евгений ЛУНИН

Николай ОЛЕЙНИКОВ

НЕБЛАГОДАРНЫЙ ПАЙЩИК

Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал домогаться селедок с крупой.
Типичная пошлость царя
В его голове небольшой.

ПЕРЕЧЕНЬ РАСХОДОВ НА ОДНОГО ДЕЛЕГАТА*

Руп —
На суп.
Трешку —
На картошку.

* Написано вместе с Е. Шварцем.

Пятерку —
На тетерку.
Десятку —
На куропатку.
Сотку —
На водку.
И тысячу рублей
На удовлетворение страстей.

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА

Ты устал от любовных утех,
Надоели утех тебе!
Вызывают они только смех
На твоей на холеной губе.

Ты приходишь печальный в отдел,
И отдел замечает, что ты
Поблдевел, подурнел, похудел,
Как бледнеть могут только цветы!

Ты — цветок! Тебе нужно полнеть,
Осыпаться пылью
и для женщин цвести...
Дай им, дай им возможность иметь
Из тебя и венки, и гирлянды плести.

Ты как птица, вернее, как птичка,
Должен пикать, вспорхнувши в ночи.

Это пиканье
станет красивой привычкой...
Ты ж молчишь... Не молчи...
Не молчи...

СУПРУГЕ НАЧАЛЬНИКА (на рождение девочки)

На хорошенький букетик
Ваша девочка похожа,
Зашнурована в пакетик
Ее маленькая кожа.

В этой крохотной канашке
С восхищеньем замечаю
Благородные замешки
Ее папы-негодяя.

Негодяя в лучшем смысле,
Негодяя в смысле гений,
Потому что много мысли
Он вложил в одно из самых
лучших своих произведений.

НЕСХОДСТВО ХАРАКТЕРОВ

Однажды Витамин,
Попавши в Тмин,
Давай плясать и кувыркаться
И сам с собою целоваться.

«Кретин!» —
Подумал Тмин.

ДРУЖБА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Однажды Склочник
В Источник
Плюнул с высоты.
С тех пор Источник с ним на «ты».

Публикация А. Н. ОЛЕЙНИКОВА